

полагаемое „и[с]ходы“, где начальная гласная и стояла, может быть, рядом с конечной гласной предшествующего слова „Боя[н]“ и, кроме того, имелось выносное с под титлом. Мы знаем, что одно и то же слово обычно сокращается одним и тем же способом. Это постоянство приемов облегчает узнавание слова. Мы уже упоминали о словах, в которых сокращения обозначаются одним титлом; в других под титлом имеется выносная (согласная), чтобы облегчить чтение. Ср.: сп[с]ние = спасение, ср[д]це = сердце, кр[с]тъ = крест, ч[с]тъ = честь. Поэтому чтение первого издания (стр. 34) „поклониша“ вместо предполагаемого „по[д]клониша“ можно объяснять или старой утратой выносного *д*, или пропуском его при копировании в XVIII веке. Применяются и другие приемы: сокращается конец слова, при этом выносятся под титлом или без него конечная согласная. Например: ре[ч] = рече, ко[д] = конец, не[д] = неделя, су[б] = суббота, ве[ч] = вечер, я[к] = яко, е[с] = есть, бы[с] = бысть.¹ Ср. „пьяк“ Архивской копии и „пья[т]къ“ первого издания. Согласно обычному написанию, в рукописи должно было стоять „пья[т]к“ с выносным „т“. Как полагает И. И. Козловский, так было сокращено в рукописи слово „пѣснь“ — „пѣ[с]“, раскрытое издателями как „пѣсь“. Надо думать, „Плѣсньск“ первого издания и „Плѣньск“ Архивской копии, видимому, передают написание рукописи „Плѣ[с]ньск“ с выносным *с*.

Конечные выносы могли применяться в любом слове: понизи[т], вонзи[т]; у Ри[м] = у Риме, или у Римове(?). Сперва такие сокращения допускались обычно в конце строки; с течением времени, когда количество выносов возросло, подобные написания стали применяться и в середине строки.²

Надо также иметь в виду, что в одном слове могут быть отмечены и два сокращения; такой прием применен в следующих словах поэмы: 1) „пѣ[с]творь[д]“, которое в первом издании раскрыто неполностью как „пѣсворца“ вместо „пѣснотворца“, и 2) „Стѣслав[л]“, раскрытое как „Святѣславля“. Падежное окончание слова устанавливается здесь в зависимости от контекста. Первое слово можно понять и как „пѣснотворец“ и как „пѣснотворца“, второе — как „Святославль“ и как „Святославля“, „Святославлю“ и т. д. Следовательно, здесь неверное раскрытие сокращения могло повлечь за собой ошибочное понимание текста. Кроме того, надо иметь в виду, что писец строку рассматривал как нечто целое и при сокращении не считался с отдельными словами. Поэтому при стечении двух или трех согласных он выносил одну из них независимо от того, где она приходилась — в конце, в середине или в начале слова. В силу этого возможны были сокращения такого типа: „Новгоро[д]цы и [п]сковичи“. ³ Может быть, подобное сокращение имелось в словах поэмы: „стругы [п]ростре на кусту“. Выносная буква *л* могла или утратиться, или просто быть пропущена при списывании.⁴ И, наконец, имеются сокращения особого типа, когда слово заменяется одной, но „равнозначней“ буквой. Они, правда, редки как в уставе, так и в полууставе и допускались лишь для немногих слов. Один случай довольно известен — это замена слова „земля“ буквой *з*, которая поставлена

¹ „Так сокращались часто встречающиеся «обиходные» слова бытового и служебного характера“ (В. Н. Цепкин. Учебник палеографии, стр. 123).

² И. И. Козловский указал, что ряд различий Архивского и мусин-пушкинского списков объясняется тем, что они по-разному раскрывают конечные выносы.

³ Увар., № 1366, л. 54; рукопись первой половины XVI века.

⁴ Лигатура *ы+л+р*, которую предлагает здесь И. И. Козловский, слишком необычна.